

В этом году исполняется сто лет со дня зверского убийства царской семьи Романовых. До сих пор это злодеяние, которому нет равных в истории человечества со дня распятия Господа нашего Иисуса Христа, покрыто ореолом тайны. Очень много ещё в этом страшном событии остаётся под знаком вопроса. И до сих пор ещё кровь невинно замученных и убиенных страстотерпцев вопиет к небу... А покаялась ли Россия?..

Государь император Николай II с девятого марта 1917 года вместе с семьёй находился под арестом в Царском Селе. Временное правительство создало особую комиссию с целью изучения материалов для предания суду императора по обвинению в государственной измене. Комиссия старалась добыть компрометирующие документы и свидетельства, однако не добыла ничего, подтверждающего обвинение. Но, вместо того чтобы заявить об этом, правительство Керенского решило отправить царскую семью в Тобольск. Николая II, членов его семьи и верных придворных привезли в Тобольск в начале августа 1917 года и держали под арестом в губернаторском доме. Здесь и застал их большевицкий переворот. В дневнике государя за 17 ноября остались такие слова: «Точно читать описание в газетах того, что произошло... в Петрограде и Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени!»

Находясь в заключении, царская семья неустанно трудилась... Зимой царь с детьми чистил снег, летом они работали на огороде, рубили и пилили деревья. Неутомимость Царя так поражала солдат, что один из них однажды сказал: «Ведь если ему дать кусок земли, и он сам будет на нём работать, то скоро он опять себе всю Россию заработает».

Режим содержания царственных узников постепенно ужесточался.

«Бледное лицо Государя и Его незабвенный взор навсегда останутся в моей памяти... — вспоминал полковник, свидетель отправки в ссылку царской семьи. — Государь обнял меня и поцеловал. В неизъяснимом порыве я припал лицом к Его плечу. Государь позволил мне так быть несколько мгновений, а потом осторожно отнял мою голову от своего плеча и сказал: «Идите, иначе могут быть для вас большие неприятности. Спасибо вам за службу, за преданность, за всё... за любовь к нам... от меня, императрицы, от всех моих детей... Служите России так же, как служили мне. Верная служба Родине ценнее в дни падения, чем в дни её величия... Храни вас Бог! Идите скорее».

28 января 1918 года Совнарком принял решение перевести царя в Петроград для предания суду. Главным обвинителем намечался Троцкий. Однако ни перевод в Петроград, ни суд не состоялись. Перед большевиками встал вопрос: за что судить? Только за то, что он родился наследником и был императором? А за что судить его супругу? За то, что супруга? А в чём можно обвинить детей царя? К тому же суд над ними мог быть только открытым. Поэтому получалось, что всех засудить не удастся даже большевицким судом. Но убить царя и, по возможности, всех членов династии было, безусловно, целью большевиков. Пока живы старые правители, власть большевиков над захваченной ими Россией не может быть твёрдой. Большевики помнили, что во Франции через 20 лет после революции произошла реставрация династии Бурбонов. В России они собирались править намного дольше двадцати лет, и потому всякая возможность монархической реставрации должна была исключаться. Кроме того, убийство царя ставило кровавую печать на установленный большевиками режим. Новые правители, совершив такое злодеяние, были бы «повязаны кровью», не могли надеяться на пощаду и должны были бороться с противниками их режима до конца. «Казнь царской семьи нужна была не только для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди

или полная победа, или полная гибель», — цинично признавался Троцкий (запись в дневнике 9 апреля 1935 года).

Решением ВЦИК весной 1918 года Николай II был вместе с семьёй переведён из Тобольска в Екатеринбург. 19 мая в протоколе ЦК РКП(б) появилась запись, что переговорить с уральцами о дальнейшей участи Николая II поручается Якову Свердлову. В конце июня в Москву для обсуждения вопроса об убийстве царя прибыл военный комиссар Уральской области, самый влиятельный большевик Урала Исая Исаакович Голощёкин (товарищ Филипп), которого Свердлов и Ленин прекрасно знали по совместной подпольной работе. Голощёкин, как и многие уральские большевики, жаждал расправиться с царём и его семьёй и не понимал, почему в Москве медлят. В ночь с 11 на 12 июня под Пермью чекисты во главе с Г.И. Мясниковым убили великого князя Михаила Александровича. Убийство пытались скрыть, объявили, что Михаил похищен белогвардейцами, позже говорилось о самосуде народа, но, конечно же, это была специально организованная Лениным акция — «генеральная репетиция царевубийства».

Второго июля на заседании Совнаркома было принято решение о национализации имущества семьи Романовых. Решение тем более странное, что всё их имущество уже несколько месяцев как было присвоено большевиками или разворовано «революционным народом». Скорее всего, именно на этом заседании и было принято решение, определившее участь царя и его семьи. Четвёртого июля охрана дома особого назначения была изъята из рук Уральского совета и передана ЧК. Вместо слесаря Александра Дмитриевича Авдеева комендантом дома назначен Яков Хаимович Юровский — чекист и «комиссар юстиции» Уральской области. Он сменил всю внутреннюю охрану. Арестанты думали, что эта смена произошла, чтобы прекратить кражи их имущества, которые при Авдееве были заурядным явлением. Кражи действительно прекратились, но не об имуществе Романовых заботились в Москве.

Седьмого июля Ленин распорядился, чтобы между председателем Уральского совета Александром Белобородовым и Кремлём

была установлена прямая связь «ввиду чрезвычайной важности событий». Двенадцатого июля в Екатеринбург вернулся Голощёкин с полномочиями привести смертный приговор в исполнение. В тот же день он сообщил в исполкоме Уральского совета «об отношении центральной власти к расстрелу Романовых». Исполком утвердил решение Москвы. О том, что необходимо готовиться к убийству Николая II, Голощёкин сообщил Юровскому. Пятнадцатого июля Юровский приступил к подготовке убийства. Шестнадцатого июля состоялось официальное решение президиума Уралсовета «о ликвидации семьи Романовых». Командир военной дружины Верх-Исетского завода П.З. Ермаков должен был обеспечить уничтожение либо надёжное сокрытие трупов. В убийстве приняли непосредственное участие 12 человек. В том числе Я.М. Юровский, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин), П.З. Ермаков, П.С. Медведев, А.А. Стрекотин, возможно, чекист Кабанов. Об остальных участниках убийства следственные комиссии и 1918—1920 гг. и 1991—1995 гг. не смогли найти никаких сведений. Известно только, что в группу входило 6–7 «латышей», то есть плохо говоривших по-русски людей североευропейской внешности. С пятью из них Юровский говорил по-немецки. На стене дома Ипатьева следователь Соколов обнаружил надпись на венгерском: «Верхаш Андраш. Охранник. 15 июля 1918». Есть свидетельства, что среди убийц был известный в будущем венгерский коммунист Имре Надь. Два «латыша» стрелять в девиц отказались и были удалены из группы. Удивительно, что не сохранилось ни имен, ни должностей, ни послужных списков этих людей, по всей видимости, хорошо проверенных в ЧК. Убийство царя ведь готовилось на государственном уровне. Только один из этих «латышей» объявился впоследствии и рассказал о своих «подвигах». Им оказался австриец Ганс Мейер.

В убийстве последнего русского царя и его семьи далеко не всё ещё ясно.

В ночь с 16 на 17 июля августейшая семья и обслуга легли спать как обычно, в 22 часа 30 минут. В 23 часа 30 минут в особняк явились два особоуполномоченных от Уралсовета. Они вручили решение исполкома командиру отряда охраны Петру Захаровичу

Ермакову и новому коменданту дома комиссару Чрезвычайной следственной комиссии Якову Михайловичу Юровскому, сменившему на этой должности Авдеева, и предложили немедленно приступить к исполнению приговора.

Зверство убийц было столь велико, что они пристрелили даже трёх собак императорской семьи, а одну болонку повесили. Сразу же после убийства останки вывезли за город. Кроме Юровского, сокрытием и уничтожением тел руководил сотрудник местной ЧК И.И. Радзинский. Были убиты император Николай Александрович, его супруга императрица Александра Фёдоровна, четыре их дочери: Ольга, Мария, Татьяна и Анастасия 17–22 лет, четырнадцатилетний цесаревич Алексей и четыре верных друга, отказавшихся оставить семью императора в эти страшные дни: доктор Евгений Сергеевич Боткин, камердинер Алоизий Егорович Трупп, повар Иван Михайлович Харитонов и горничная Анна Степановна Демидова.

18 июля по докладу Свердлова ВЦИК и Совнарком одобрили это злодеяние. 19 июля ВЦИК официально заявил, что решение о расстреле Николая II принято в Екатеринбурге без консультаций с Совнаркомом, а супруга и дети «казнённого Николая Романова» эвакуированы в надёжное место. Это была стопроцентная ложь. Вот описание убийства, которое руководивший им Юровский предложил в 1920 году красному историку М.Н. Покровскому:

«Были сделаны все приготовления: отобрано 12 человек (в т.ч. 6 латышей) с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. Двое из латышей отказались стрелять в девиц.

Приговорённые все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались с полчаса. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов); из неё была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Романовы ни о чём не догадывались. Комендант (т.е. сам Юровский) отправился за ними лично, один, и свёл их по лестнице в нижнюю комнату. Николай нёс на руках Алексея (у мальчика был тяжёлый при-

ступ гемофилии), остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра Фёдоровна спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Комендант велел внести два стула. Николай посадил на один Алексея, на другой села Александра Фёдоровна. Остальным комендант велел стать в ряд. Когда стали, позвали команду. Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники продолжают наступление на советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту, с вопросом: «Что? Что?» Комендант наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее.

Николай больше ничего не произнёс, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, всё длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Николай был убит самим комендантом наповал, затем сразу же умерли Александра Фёдоровна и люди Романовых... Алексей, три из его сестёр и доктор Боткин были ещё живы. Их пришлось пристреливать... Одну из девиц пытались доколоть штыком... Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль...» (*материалы правительственной комиссии... — С. 193–194.*) Так написал Юровский.

Население Екатеринбурга узнало о случившемся из листовок, расклеенных по городу 22 июля. На следующий день текст листовки был напечатан в газете «Рабочий Урал». 22 июля стража, охранявшая дом Ипатьева, была снята. Юровский выдал убийцам восемь тысяч рублей и велел поделить деньги на всех. Вот текст листовки: «Белогвардейцы пытались похитить царя и его семью. Их заговор был раскрыт. Областной Совет рабочих и крестьян Урала предупредил их преступный замысел и расстрелял всероссийского убийцу. Это первое предупреждение. Врагам народа также не достичь возвращения к самодержавию, как им не удалось заполучить к себе в стан коронованного палача».

Мнение о том, что расстрел царской семьи был ритуальным убийством, подтверждается исследованиями русского монархиста следователя Н.А. Соколова и фактами из книги британского журналиста Роберта Вильтона «Последние дни Романовых». Кроме того, о ритуальном убийстве говорится и в книге М.К. Дитерихса «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале», и в книге современного русского писателя П.В. Мультипули, правнука умученного с царской семьёй повара Харитоновна.

Убийцы кололи членов царской семьи штыками и специальным ритуальным ножом (который используется в иудейских ритуальных убийствах). Целью убийц было обескровливание своих жертв и получение их крови. Убийцы пили кровь царских мучеников. На стене подвала была оставлена каббалистическая надпись. Значение этой надписи: «Здесь по приказу тёмных сил Царь был принесён в жертву. О чём извещаются все народы».

Также на той стене был оставлен фрагмент из стихотворения Генриха Гейне:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen knechten ungeracht.

В переводе это значит: «Белзацар был убит этой ночью своими слугами». Belsatzar означает «Белый царь» — это был эпитет русского монарха среди русских людей.

Ещё в 1905 году царь Николай II был приговорен к смерти. По этому случаю в Бруклине (районе Нью-Йорка) была выпущена открытка. На этой открытке был изображён капорес (жертвенный петух в иудаизме) с головой царя Николая II. И была надпись на этой открытке на иврите: «Это моё жертвоприношение». А в масонской Франции в журнале «Асьет о бьер» поместили рисунок с отрезанной головой царя Николая II и надписью «Святая Русь».

Сообщение о расстреле Белого царя и всех членов императорской семьи поступило в адрес секретаря Совнаркома Н.П. Горбунова для Я.М. Свердлова 17 июля 1918 года. Центральные советские газеты сообщили об этом 19 июля.

Параллельно в уральском городке Алапаевске с мая 1918 года большевики содержали под русской и австрийской стражей

нескольких представителей дома Романовых, их друзей и слуг — великую княгиню Елизавету Федоровну (вдову великого князя Сергея Александровича и сестру императрицы Александры Фёдоровны), великих князей Сергея Михайловича, Иоанна Константиновича, Константина Константиновича и Игоря Константиновича (сыновей великого князя Константина Константиновича и троюродных братьев императора Николая II) и князя В.П. Палея (сына великого князя Павла Александровича и племянника императора Николая II). 21 июня от них удалили слуг и приближённых (кроме секретаря Ф.С. Ремеза и инокини Варвары), отобрали драгоценности и ввели строгий тюремный режим. 18 июля, в три часа 15 минут утра, большевики инсценировали нападение на школу, где содержались узники, вывезли их в урочище Верхняя Синячиха и там, жестоко избив, сбросили в шахту. «Операцией» руководил член исполкома Уральского совета Г. Сафаров, приехавший накануне из Екатеринбургa.

Великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление и был застрелен, остальные сброшены живыми. Пять членов царского дома — великая княгиня инокиня Елизавета Фёдоровна, князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи, князь Владимир Павлович Палей — и келейница Елизаветы Фёдоровны монахиня Варвара Яковлева умерли от недостатка воздуха и воды через несколько дней. Местные жители слышали доносившееся из шахты молитвенное пение. Вместе с лицами царствовавшего дома Романовых в эти же дни были убиты на Урале их верные друзья и слуги, следовавшие за императором, великими князьями и княгинями до последней возможности — фрейлина Анастасия Васильевна Гендрикова, гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, гофмаршал князь Василий Александрович Долгорукий, управляющий Пётр Фёдорович Ремез, дядька цесаревича Алексея Клементий Григорьевич Нагорный, камердинер Иван Дмитриевич Седнев, камердинер Василий Фёдорович Челышев. Через восемь дней после цареубийства Екатеринбург и Алапаевск заняли белые войска генерала Сергея Николаевича Войцеховского, наступавшие из Сибири, и комиссия следователя Н.А. Соколова занялась изучением обстоятельств

всех трёх групповых убийств. Останки великого князя Михаила, Брайна Джонсона и алапаевских страдальцев были обнаружены следственной комиссией. Останки государя Николая II и убитых с ним найти не удалось.

После убийства тела царской семьи были погружены на грузовики и отвезены в урочище Ганина Яма. Там (по существующей версии) головы царя Николая II, царицы Александры и царевича Алексея были ритуально отсечены и положены в заспиртованные банки. Эти банки были положены в три чемодана и отправлены в Москву. В Москве эти три головы (царя Николая II, царицы Александры и царевича Алексея) были показаны советскому руководству.

После отсечения трёх голов все тела членов царской семьи были расчленены. Потом останки царских мучеников облили серной кислотой и стали жечь. Когда не хватало серной кислоты, то посылали за ней автомобили в Екатеринбург. Два кольца красноармейцев охраняли этот костёр и никому не позволяли проходить внутрь. Два дня горел костёр. После этого останки царских мучеников превратились в порошок. Убийцы наполнили этим порошком бокалы и выпили его.

Об этом царские мученики известили одну русскую женщину, рабу Божию Нину. В чудесном видении они сказали ей: «Нас всыпали в бокалы... и пили с удовольствием и злорадствованием, что так нас уничтожили!.. Пусть наших останков не ищут, их нет!»